вещенском соборе. Всеми же сими наказании не умягчен, окаменный тот изверг и злодей, но паче везде в горшую злобу преуспевающе и своего суеверия плевелы без страха божия разсевающе.

Сколько тысящ простаго народа, невежд малодушных и писания святаго неведущих, начав от Сибири, вси поморския страны, даже и до самых здешних градов, лютаго яда своего прелестию уязвил. И [г]что всему христианству странно есть[г] (*л. 4 об.*), самим оным пожигатися и себе самих убивати позволил, не взирающе тот душеубийца нимало на согласное всех святых отец утверждение сицевое: «Яко всяк каким-нибудь образом себе убивающий, тяжко согрешает и царствия божия наследити не может». И коликое междособныя и христианския кровепролитие и какое таким же простецам в разделении христианском развращение прелестми своими порождение то ехиднино учинил. Достойно, воистинну, от верных и благочестивых сердечнаго о таковых окамененных сердцах и погибающих душах душевнаго соболезнования, смотря на неисцельныя их от таковаго безумия раны (л. 5). Довольно было душ уловленных в те льстивыя сети.

Не довольно же злобы и адских умышлений треклятаго Аввакума, но еще долголетно седя в Пустоозерской земляной тюрьме, тот безсовестный раскольник, и утоля мздою караул, посылал ко единомысленным своим в Москву, котории во время царствовения блаженныя памяти государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича, пришествии его величества на Иордань, в день святаго Богоявления (*л. 5 об.*), безстыдно и воровски метали свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя. И в то же время, аки татие, тайно вкрадучися[д] в соборныя церкви,[д] как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не умаляся ничим от святокрадцов и церковных татей.

Сея вся злодеяния быша в Москве от раскольников наущением того же расколоначальника и слепаго вождя своего Аввакума. Он же сам, окаянный изверх, в то же время вместо слезного покаяния о тяжких своих гресех, истиннаго обращения к матери нашей церкви святей и достодолжнаго своего предержащим царской и духовной властем повиновение и рабского покорения, седя в вышеозначенном юдоле, земляныя своея тюрьмы, на берестяных хартиях начертавал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписании, и толковании, и блядословными укоризнами весьма запретительными, не токмо от всего священнаго писания, но от божественных уст спасителя нашего, глаголющаго: «Воздадите божие богови и кесарево кесареви, *се божия богови*».[2] Что подтверждает и верховный апостол Петр святый, глаголя: «Бога бойтися, царя чтите»,[3] ибо «несть власть, аще не от бога».[4] И паки: «Всяка душа предержащей власти да повинуется».[5] Апостол же святый Павел к повиновению духовный власти истинных христиан понуждая властию себе от всесвятаго духа данною, властелински повелевает, глаголя: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их».[6]

Которое от безчеловечнаго онаго крамольника Аввакума злоухищреное и злопакастное, паче же всему правоверному христианству чюждее,

[г–г] *В рукописи эти слова в квадратных скобках.* [д–д] *Добавлено из рукописи ф. 796, оп. 5, № 455.*

[2] *Марк, глава 12, ст. 17.* Слова курсивом доб. из ркп. № 455.

[3] *I посл., глава 2, ст. 17.*

[4] *Павел римлянам, глава 13, ст. 1.*

[5] Там же.

[6] *Евреям, глава 13, ст. 7.*